

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ

Э.М. Спирова

КАК ФОРМИРОВАЛАСЬ ИДЕЯ ВОСПИТАНИЯ?

Аннотация. В системе образования высшая школа занимает особое место, которое определяется тем, что она завершает процесс формирования человека. В отличие от общего и среднего специального образования, высшее образование не только дает своим выпускникам знание более высокого уровня. Оно не только прокладывает мост к миру большой, академической науки, закладывает фундамент для реализации творческих способностей человека.

Ключевые слова: педагогика, воспитание, духовность, образование, мировоззрение, человеческая субъективность, традиция, гуманизация, гуманитаризация, бездуховность.

Мыслители прошлого постоянно обдумывали проблему завершения образования. Августин Блаженный писал в своих трактатах о неизбежности всестороннего воспитания. Он полагал, что образование человека нельзя считать окончательным, если оно заключается только в изучении свободных искусств и технических умений. По его мысли, образование должно включать и духовное воспитание. Без духовной любви, — писал он, — всякое обучение бесполезно... Таким образом, уже в средневековой педагогике возникает потребность доказать, что обучение не формирует человека, а только создает предпосылки для такого формирования. Воспитание — это автономный, самостоятельный процесс. Он связан с духовными горизонтами людей.

Когда появилась научная педагогика (Я. Коменский, И.Г. Песталоцци) обсуждение вопроса о том, как сформировать личность, стало базовым. В XIX в. английский просветитель и католический философ Джон Генри Ньюмен поставил проблему универсального образования. В книге «Идея Университета» он пишет: «... Университет ... по смыслу названия своего исповедует преподавание универсального знания»¹. Ньюмен подчеркивал, что гуманитарные

и естественные науки, а также духовные знания имеют в системе образования не меньшее значение, нежели научное знание. Эпоха Просвещения делала акцент на науке. Предполагалось, что научное знание — самое насыщенное, значимое.

Как личность обретает убеждения? По мнению Ньюмена, это возможно либо на основе книг или рассказов других людей. Но ведь есть и другой источник знания. Это прежде всего не книжный, а реальный мир. В жизни, в социальной практике мы обретаем реальный, конкретный опыт, основанный на чувственном воспитании, эмоциях, памяти и воображении. Действительно, если заучить философские идеи, научные теоремы, разве это поможет выработке мировоззрения? Если «заучить», то, разумеется, нет. Мировоззрение рождается, во-первых, благодаря «схлесту» идей, в противоборстве мнений, различных позиций. Кроме того, во-вторых, разнородность мнений не может оставаться формальным признаком мировоззрения. Оно должно обрести цельность, рельефность. Идеи вступают в борьбу не для того, чтобы обнажить несходство представлений. Конечным продуктом этого противостояния неизменно для мировоззрения оказывается определенное синтетическое состояние мыслительной протоплазмы. Идеи не просто берут верх над другими мыслями. Они вступают в диалог с ними. В результате не только обогащаются главные, жизнеспособные утверждения. Те взгляды, которые

¹ Ньюмен Дж.Г. Идея Университета / пер. с англ. С.Б. Бенедиктова. Минск, 2006. С. 35.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 12-03-00574а
«Духовность как проблема современной культуры»

получили меньшее признание, покидают плацдарм борьбы обогащенными, впитавшими в себя голос идей, которые получили признание. В этом обмене суждениями — выгода для всех. И третье. Формирование мировоззрения — творческий процесс. Это отнюдь не заучивание идеальных представлений. Скорее это процесс неустанной переработки идей, их смысла, их звучания.

Человеческая субъективность опирается на три компонента — разум, чувства и волю. Наши чувства нередко не поддаются аналитической рефлексии. Но они отражает важнейшие стороны человеческой духовности. Любовь далеко не всегда разумна. Мы часто называем ее слепой. Между тем это чувство относится к идеальным, романтическим переживаниям, которые сродни прозрению. Возможно ли познание вне аффицирования, вне эмоций. Переживание — важнейший компонент общего процесса познания. Чистая мысль, свободная от субъективной окраски, не всегда отличается полнотой. «Противопоставляя выражения «мыслит себя» и «чувствует себя», Кант сразу обозначает свое существенное отличие от Декарта, — пишет Э.Ю. Соловьев. - В картезианском *cogito* мышление понималось широко и многозначно: оно могло подразумевать и рациональное суждение, и эмоцию, и осознаваемое влечение, — все, что может быть предсказано «мыслящей субстанцией» в отличие от «субстанции протяженной»². Программа Ньюмена включала в себя гуманитарное, естественное и духовное образование. Он обдумывал идеал «единства наук». Ему представлялось, что в глубинных основах познания все науки имеют общее основание, роднящее их.

К.Д. Ушинский, который заложил научные основы педагогической мысли в России, особо подчеркивал роль духовного и нравственного воспитания. «Высшая, безусловная нравственность также обязывает настоящее поколение, — писал В.С. Соловьев, — передать новому поколению наследие: во-первых, все положительное, что добыто прошедшим человечеством, все результаты исторического сбережения, а, во-вторых, способность и готовность воспользоваться этим основным капиталом для общего блага, для нового приближения к высшей цели»³.

Другая тенденция высшего образования, как она осмысливалась философами, педагогами, полити-

ками, — это связь с актуальностью. Американский философ Джон Дьюи и его последователи в XX в. боролись против традиционной системы образования, которая во многом игнорировала текущую историю и обращалась к прошлому. Несмотря на это, во многих странах сильно влияние так называемых традиционалистов, которые полагают, что образование должно быть предельно консервативным. Так считал, к примеру, французский философ Жак Маритен. Нет сомнений в том, что воспитание, как и образование не может следовать за текущей социальной или интеллектуальной конъюнктурой. В основу обучения следует брать те достижения науки, которые уже признаны общественностью. То, что еще не стало общим мнением, но выражает интересный поиск, вряд ли способно составить фундамент воспитания. Однако консервативность образования не следует обосновывать тем, что оно следует традиции и чтит ее.

Но разве можно в динамичном нынешнем мире соотносить образование только с традицией? Динамика социальной жизни, огромные успехи научно-информационной революции, общественные потребности, несомненно, диктуют неукоснительное требование — быть на уровне времени. Высшая школа, которая призвана готовить высококвалифицированных специалистов как в научно-технической, так и в гуманитарной сферах деятельности — не может не соответствовать тем требованиям, которые диктуются интересами общества, направленными на выявление его интеллектуального и духовного потенциала.

По мнению известного американского социолога Элвина Тоффлера, в технологических системах завтрашнего дня — быстродействующих, маневренных и саморегулирующихся — на машины обрушится поток физических материалов, а на людей — информационный поток. Машины все быстрее будут выполнять рутинные задания, а люди не будут сосредоточены на гигантских фабриках и в промышленных центрах, а будут разбросаны по всему земному шару и связаны друг с другом поразительно чувствительными, почти мгновенно действующими коммуникациями. Мы живем в другой информационной среде. Знания накапливаются с поразительной быстротой. То, что вызывало всеобщее признание, вчера, сегодня может оказаться устаревшим. Поэтому чуткость по отношению к новому знанию является обязательным требованием воспитания и обучения.

В мире фактически уже наступила новая эпоха. Родилось так называемое «информационное обще-

² Соловьев Э.Ю. «Не дай мне Бог сойти с ума...» // Историко-философский ежегодник 2011 / Институт философии РАН. М., 2013. С. 213.

³ Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 495.

ство». В нынешнем столетии оно будет раскрывать свой неисчерпаемый потенциал. Как приступить к реформированию системы высшего образования? В профессиональной среде прошли многочисленные дискуссии о том, как преобразить высшую школу. Особенно активно эти обсуждения шли в начале 90-х годов. В.И. Купцов попытался даже сформулировать основные направления реформирования системы высшего образования. По его мнению, высшая школа нуждается в демократизации, гуманизации и гуманитаризации. Он также предлагал сделать высшее образование более фундаментальным, компьютеризировать его и обеспечить интеграцию знания⁴.

Нуждается ли современное высшее образование в гуманитаризации? Несомненно. Однако не только в нашей стране, но и в других регионах мира по этому вопросу ведутся дискуссии. Педагоги Великобритании сетуют на верховенство так называемого точного знания. Удельный век гуманитарного знания снижается. Государство вынуждено в первую очередь финансировать те дисциплины, где экономическая отдача возникает быстро и основательно. Вместе с тем общественное сознание все отчетливее формулирует идею приоритета гуманитарного знания.

В самом общем виде проблема была поставлена английским общественным деятелем в середине 50-х годов. В работе «Две культуры» он раскрыл соотношение естественных и гуманитарных наук. Он ориентировался на людей, у которых, как он подмечал, «будущее в крови». С того времени вопрос о роли гуманитарного знания в системе образования оказывается предельно острым.

Гуманитарное знание имеет дело с человеком, его ценностями, его смыслами, которым люди придают особое значение. Здесь велика роль не только сознания, но и интуиции. Огромное значение в этом комплексе знаний имеет «авантюра мысли», творческое воображение. Иначе невозможно проникнуть в сокровенный мир человека. Вот почему, когда речь заходила о постижении человека, человечества, общества, культуры, человеческого духа, то складывалось впечатление, будто гуманитарное знание менее важно для общественной жизни. Оно порою кажется не всегда конкретным и доказательным.

Обосновывая эту позицию, проф. П.С. Гуревич пишет: «Образование не просто вид общественной деятельности, изучение которой предполагает

нахождение наиболее эффективных способов сохранения и передачи накопленного знания. Последовательное размышление о воспитании неизменно порождает постижение человеческой природы»⁵.

Что конкретно понимается под «гуманитаризацией»? Увеличение доли гуманитарного знания в системе образования. У нас эта тенденция развивается медленно. Неслучайно один из депутатов Государственной Думы при обсуждении перспектив обучения в России, выступил против такого бесполезного, как он полагает, предмета, как философия. А недавно министр образования Д.В. Ливанов на встрече главы правительства РФ Дмитрия Медведева с аспирантами российских вузов заявил: «Мое мнение — нужно исключить экзамен по философии в качестве обязательного». Утеснение философии в процессе научного творчества предпринимается не впервые. Когда в мае 1850 г. министром народного просвещения был назначен князь П.А. Ширинский-Шихматов, слывший за «человека ограниченного, святошу, обскуранта», это вызвало неудовольствие даже среди «людей самых благонамеренных». Острословы тут же переименовали фамилию нового министра на Шахматова и говорили, что с его назначением министерству и просвещению в целом «дан не только шах, но и мат». Что толкнуло царя к выбору столь одиозной в глазах общества личности? То была записка, поданная Шихматовым на высочайшее имя, о необходимости преобразования преподавания в университетах таким образом, чтобы «впредь все положения и выводы науки были основываемы не на умствованиях, а на религиозных истинах, в связи с богословием». И вот уже в университетах запрещено чтение лекций по философии и государственному праву, а преподавание логики и психологии поручено профессорам богословия...

Между тем именно в философии выражены обостренные, углубленные поиски вопрошания к наличной действительности. Философия во всем мире занимает прочное положение в системе гуманитарного знания. Рассматривая роль философии в немецкой духовной жизни XIX столетия, немецкий философ В. Виндельбанд отмечал, что поэзия и философия стали в сущности единственными общими жизненными интересами немецкого народа того времени. «Обе духовные силы в ходе XVIII в., — писал он, — сближаются, можно даже сказать, ищут друг

⁴ Купцов В.И. Человек и общество. Современный мир. М., 1997.

⁵ Гуревич П.С. Философия образования: теория и практика // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 31-38.

друга в общности, никогда ранее не существовавшей с такой интенсивностью и глубиной»⁶.

Философия, будучи относительно целостной, обнаруживает себя во множестве направлений, течений, учений и взглядов. Существуют демаркации, предпочтения, призвания. Эту парадоксальность можно зафиксировать в любой сфере философского знания. Например, словами «философская антропология» обозначают самые разнообразные и подчас несопоставимые между собой оттенки метафизической мысли. Трудно судить о критериях, которые позволили бы провести необходимые разграничения. Например, ранние сочинения французских материалистов, в которых обсуждается человеческая природа, считаются философско-антропологическими. Однако мало кому придет в голову отнести к разряду метафизической литературы «Афоризмы житейской мудрости» Шопенгауэра, хотя в них разработана типология человеческих потребностей. Почему, скажем, Сократ объявлен родоначальником философии человека, а у Аристотеля, как считает, допустим, М. Бубер, человек утрачивает проблематичность?

Исследователи сегодня пишут о системности мирового кризиса. Говорят о его полномасштабности, всеохватности. Кризис поразил экономику и финансы, затронул внутреннюю и внешнюю политику, идеологию и культуру, мораль и право, сказался на социальном положении населения всех стран. Эксперты толкуют о том, что он захватывает глубинные основы капитализма как цивилизационного уклада. Речь идет не только о рыночных отношениях, о системе финансов, о глобализации экономических связях. Говорят о забвении протестантского этоса, о неспособности капитализма реализовать идею справедливости. Особо отмечают пагубу бездуховности. Здесь критика капитализма становится тотальной.

Именно отечественные философы показали, что мировой кризис приобрел цивилизационный характер. Это означает, что толковать о нем, оставаясь в мире финансов, отвлеченных экономических показателей, бесперспективно. Кризис вызван не только глобальным структурным дисбалансом в экономике. Он, как отмечено во многих работах российских философов, отразил не только рассогласованность между глобализацией и политической властью, которая по-прежнему реализуется на уровне государства. Кризис обнажил колоссальный разрыв между реальной и фиктивной экономикой.

Он, в конце концов, поставил под удар всю капиталистическую систему.

Современные политики явно недооценивают вклад философов в общественное сознание. Они все еще полагают, что социальная мысль не поспевает за шквальным преобразованием современного мира. Масштабные и интенсивные преобразования касаются теперь не только сферы хозяйства, денег, экономики, политики и культуры. Меняются и фундаментальные основы воспроизводства человека как биологического и антропологического типа (см. работы В.И. Толстых, В.Г. Федотовой, Б.Г. Юдина). Гигантская по масштабам биотехнологическая революция не оставила камня на камне от родовых отношений, от родовой сущности антропоида и превратила фундаментальные основы самого человека в простой набор потребностей, пусть и базовых, но потребностей: секса, размножения, вынашивания, вскармливания, обучения и т.д. (работы В.А. Подороги, В.С. Степина, В.А. Кутырева). Стремительность потоков информации, глобальная миграция населения, распад социальных связей разобщают людей. Иной становится практика образования и мышления (работы А.П. Назаретяна, А.Г. Мысливченко, В.М. Розина).

Нынешний кризис, поразивший экономику всех стран, радикально изменил представление о глобализации как социальном феномене. Разумеется, речь все еще идет о доминировании рынка в неолиберальных формах демократии. Не оспаривается господство транснациональных корпораций в различных сферах жизни — от экономики до культуры. Глобализация по-прежнему активно влияет не только на экономику и политику, но и на культуру, образ жизни и образ мысли. Мировой кризис подтвердил реальность общепланетарных тенденций (работы А.П. Огурцова, Ю.М. Резника и др.).

Вместе с тем нынешний кризис произвел громадные сдвиги в геополитике, обнажил кричащие противоречия современного мира и самого процесса создания общепланетарной цивилизации. Общие представления о схождении всех культур в некое общее цивилизационное пространство не выдержало испытаний. Вновь актуализировались давние проблемы философии культуры: может ли воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость под напором чужеродных влия-

⁶ Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 298.

ний (см. работы А.Л. Доброхотова, А.С. Запесоцкого, В.Н. Шевченко).

Начиная с XVIII в., философия обретает весьма заметную роль в общественной жизни. Свободное от всякой предвзятости, отвергая зависимость от авторитетов и традиций, философское мышление хотело вытравить как из жизни, так и из знания все следы «запутанности и неясности». Виндельбанд видел свою задачу в том, чтобы выявить огромную роль философского мировоззрения в истории. Гегель называл философию духовной quintessence эпохи. В ней действительно выражены обостренные мировоззренческие поиски, углубленные вопрошания к наличной реальности, к человеческому духу.

В нашем столетии философия сделала множество открытий, которые, несомненно, отразятся на судьбе человечества. Философам пришлось экстренно осмысливать новейшую естественно-научную картину мира, вникать в таинственный мир рождения сущего. Неизмерима ценность биологических и генетических прорывов. Расшифровка генома обязала исследователей заново осмысливать многообразие жизни. Буквально на наших глазах рождается новая натурфилософия. Востребованными оказались дискурсы гуманитарного сознания.

Существенные теоретические приращения обнаружались в теории познания, логики, философской антропологии или эстетики, этики или теории философии, психологии или аксиологии. Именно в нашем столетии философы научились распознавать внеопытные и внеисторические структуры сознания. Они буквально восчувствовали безбрежный опыт человеческого бытия, выразив его в так называемых экзистенциалах. Человек вообще оказался разгаданным по-новому, чему содействовали философская антропология, психоанализ. Наука, культура, история, человек подверглись глубинному философскому постижению.

Философию иногда называют высшей мудростью. Она пользуется абстрактными понятиями, демонстрирует различные головоломки, которые требуют напряжения мысли. Не раз ученые, да и сами философы, пытались рассуждать о том, что приносит человеку непосредственную пользу, а что, вообще говоря, от лукавого. Однако человек никогда не стал бы человеком, если бы интересовался только тем, что приносит ему сиюминутную пользу.

То же самое можно сказать и о культурологии. Ведь сам факт множественности культур на Западе, как он поразил воображение людей прошлого

столетия, рассматривается в качестве одного из парадигмальных открытий двух тысячелетий. Культурологическая основа высшего образования становится абсолютно необходимой. Это относится не только к вузам гуманитарного направления, где это достаточно очевидно, но и к вузам научно-технического профиля. Тем более парадоксально, что Министерство образования ставило вопрос о том, чтобы исключить культурологию из цикла гуманитарных дисциплин.

Разумеется, программа высшей школы перегружена. Нет возможности охватить весь спектр гуманитарного знания. Однако «убрать» культурологию из системы образования сейчас невозможно. Это предмет введен во всех технических университетах. Подготовлены кадры культурологов. Выпущено многочисленных труды. Во многих странах действительно нет такого предмета. Но, во-первых, его замещает «культурная антропология», «социальная антропология». Нам этот предмет особенно необходим, потому что на протяжении многих десятилетий мы ограничивались экономическими и политическими констатациями. Только сейчас мы вышли в широкий мир культуры, и это благотворно отразилось на всем процессе образования.

Что понимать под гуманизацией образования? Важно, прежде всего, приобщить студентов к системе универсальных ценностей. Эти святыни должны быть фундаментом, на котором строится человеческое поведение и вся его деятельность. Гуманизм — это система взглядов, согласно которой признается ценность человека как личности, его право на свободу, счастье и развитие.

В современной литературе обсуждается широкий круг вопросов, связанных, в частности, с происхождением гуманизма, его предназначенностью, пределами гуманистического мышления, кризисом гуманизма и проблемой гуманизации мира. Теперь о демократизации. Благодаря средствам массовой информации, обучение становится массовым. Предельно важно, чтобы образование, становясь доступным, не утратило своего элитарного предназначения. Ведь высшее образование предполагает освоение глубинных основ науки, культуры, философии и всего спектра гуманитарного знания.

Сейчас компьютер уже не считается полноценным, если он не оснащен средствами мультимедиа — средствами, позволяющими осуществлять достаточно качественный синтез многих видов информации — текстовой, графической, звуковой, цветовой. Мультимедийная технология лежит в основе использования компьютера для весьма современной

имитации сцен, событий и ситуаций, не существующих в действительности — для воссоздания так называемой виртуальной реальности. Компьютер неизбежно становится главным инструментом и средством в системе обучения. Однако рынок обучающих программ еще недостаточно развит. Массовое внедрение персональных компьютеров имеет не только положительное, но и отрицательные последствия. «Повальная компьютеризация привела к тому, — пишет В.А. Никеров, — что игра и учеба стали почти неразличимы. Сейчас трудно оценить, насколько это хорошо. С одной стороны, учеба стала более интересной и разнообразной. С другой стороны, компьютерные игры дают ненужные нагрузки на нервную систему»⁷.

Еще один аспект компьютеризации образования — возрастание информационной нагрузки. Информация, которую должны усвоить студенты вузов, намного сложнее, чем для учащихся довузовского обучения. Соответственно плотнее информационная нагрузка. Новые тенденции получают поддержку в форме электронной видеозаписи, голографии и других постоянно модернизирующихся технических областей. Усложняется проблема отбора информации. Возникает проблема ее ценностей иерархии. Э. Тоффлер спрашивает: стоит ли от всех студентов требования изучения алгебры? А не увлекают ли они гораздо больше пользы из изучения теории вероятностей? Логике? Компьютерного программирования? Философии? Эстетики. Массовых коммуникаций?⁸

Студентам-гуманитариям приходится изучать, если можно так сказать, более «тонкие» материи, чем студентам технических вузов. У последних предметы более детерминированы, поскольку связаны с точными науками — математикой, физикой, астрономией. Эти дисциплины предельно важны. Однако точные науки не испытывают в основном зависимости от событий, которые происходят в мире людей, в обществе, не связаны с социальной психологией, менталитетом, государственной идеологией, сменой вождей и правительств.

В самом деле движение небесных тел, законы физики или скорость химических реакций не меняются от преобразования общественно-политических взглядов в обществе, его морально-этических и юридических установок. Иное положение в гуманитарной сфере. Такие дисциплины, как философия, история, социология, психология, а также литерату-

ра, журналистика и искусство — не только прочнее связаны с общечеловеческими установлениями. Они подвержены сильному давлению со стороны различных структур государственной власти. Конечно, естественнонаучные сферы знания тоже не свободны от таких гонений. Вспомним, судьбу кибернетики и генетики в СССР, пропаганду «арийской физики» в нацистской Германии. Однако большинство фундаментальных точных наук сохраняет свой суверенитет. Сошлемся хотя бы на попытку Сталина вмешаться в судьбу физики в нашей стране. Однако покушение на науку, которая готовила атомную бомбу, не состоялось.

Нет сомнений в том, что именно гуманитарные науки и искусство находились под мощнейшим идеологическим прессом на протяжении всей истории тоталитарного режима советской власти. Но в период демократизации были критические разносы учебников по истории А.А. Кредера, в которых были пересмотрены многие догматические оценки исторических фактов. Точное знание требует окончательных положений и доказательств. Гуманитарное знание предполагает строгость рассуждения, но оно не всегда имеет форму закона, теоремы или аксиомы. Когда мы изучаем общество, осмысливаем его особенности и тенденции, приходится сразу признать, что законы природы, которые кажутся универсальными, здесь имеют ограниченное применение.

Общественные законы носят принципиально иной характер. Они обусловлены человеческой активностью. В своей деятельности, в своем общении люди руководствуются целями, которые они пытаются реализовать. Многие феномены жизни вообще невозможно понять, исходя из природных предпосылок. Как, например, опираясь на физику или биологию, можно осознать смысл жизни или предназначенность человека? Тут нужно обратиться к человеческим предпочтениям, к тем нормам, которые возникают в социальной жизни.

Макс Вебер писал: «Кто сегодня, кроме некоторых «взрослых» детей, которых можно встретить как раз среди естествоиспытателей еще верит в то, что — знание астрономии, биологии, физики или химии может — хоть в малейшей степени — объяснить нам смысл мира или хотя бы указать, на каком пути можно напасть на след этого «смысла», если он существует? Если наука что и может сделать, так это скорее убить веру в том, что вообще существует нечто такое, как «смысл» мира»⁹.

⁷ Никеров В.А. Компьютер для работы и дома. М., 1998. С. 40.

⁸ Тоффлер Э. Футурошок. М., 1999. С. 35.

⁹ Вебер Макс. Избранные произведения. М., 1990. С. 717-718.

Список литературы:

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995.
3. Гуревич П.С. Личностный рост как проблема молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2008. № 2. С. 30-37.
4. Гуревич П.С. Философия образования: теория и практика // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 31-38.
5. Купцов В.И. Человек и общество. Современный мир. М., 1997.
6. Никеров В.А. Компьютер для работы и дома. М., 1998.
7. Ньюмен Дж. Г. Идея Университета / пер. с англ. С.Б. Бенедиктова. Минск, 2006.
8. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 2-х т. М., 1988. Т. 1.
9. Соловьев Э.Ю. «Не дай мне Бог сойти с ума...» // Историко-философский ежегодник 2011 / Институт философии РАН. М., 2013.
10. Тоффлер Э. Футурошок. М., 1999.

References (transliteration):

1. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990.
2. Vindel'band V. Izbrannoe. Dukh i istoriya. M., 1995.
3. Gurevich P.S. Lichnostnyy rost kak problema molodezhi // Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly). 2008. № 2. S. 30-37.
4. Gurevich P.S. Filosofiya obrazovaniya: teoriya i praktika // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2006. № 4. S. 31-38.
5. Kuptsov V.I. Chelovek i obshchestvo. Sovremenny mir. M., 1997.
6. Nikerov V.A. Komp'yuter dlya raboty i doma. M., 1998.
7. N'yumen Dzh. G. Ideya Universiteta / per. s angl. S.B. Benediktova. Minsk, 2006.
8. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra // Solov'ev V.S. Sobr. soch.: V 2-kh t. M., 1988. T. 1.
9. Solov'ev E.Yu. «Ne day mne Bog soyti s uma...» // Istoriko-filosofskiy ezhegodnik 2011 / Institut filosofii RAN. M., 2013.
10. Toffler E. Futuroshok. M., 1999.